

не все ономастическое пространство, а лишь отдельные его секторы, в особенности антропонимия и топонимия, обладающие широким спектром категорий онимов, для решения целого ряда специальных задач могут быть использованы онимы других сфер — этнонимии, а также малоисследованные возможности мифонимии, астронимии, зоо- и фитонимии. Сложившиеся к настоящему времени связи между ономастикой и антропологией пока не соответствуют уровню знаний в этих науках. «Внелингвистичность» использования антропологами ономастических материалов (например, преимущественно иллюстративное использование топонимии в этногенетических работах; игнорирование некоторых лингвистических аспектов антропонимии в популяционно-генетических исследованиях) обедняет их возможности в качестве источника зачастую уникальной информации. Знакомство с современной методологией ономастических исследований должно стать одной из граней научного кругозора антрополога.

Н. Н. Кулакова

**ГАИТИЙСКИЙ КРЕОЛЬ
В XVII—XVIII ВЕКАХ: ЯЗЫК
КАК ЭТНООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР**

Республика Гаити с первой трети XVII в. до 1804 г. была французской колонией, куда из Африки ввозились во все возрастающих количествах негры для рабского труда на плантациях сахарного тростника. К 1789 г.— началу событий революционной войны в Сан-Доминго (название колонии), результатом которой было создание первой в мире негритянской республики, там жило больше 450 тыс. негров, около 30 тыс. белых и 27 тыс. мулатов. Хотя на протяжении всего колониального периода негритянское население не оставалось стабильным, а постоянно пополнялось вновь прибывавшими рабами, за полтора века в процессе адаптации к жизни в Америке в негритянской среде сложились предпосылки возникновения нового этноса. Специфика этнокультурного развития здесь, как и в других регионах плантационного рабства в Америке, проявилась именно в создании выходцами из Африки своеобразной культуры, качественно отличавшейся от питавших ее африканских и европейских традиций.

Борьба за свободу от рабства, а затем и за политическую независимость, в которой в конце XVIII в. участвовали все рабы Сан-Доминго, дала толчок развитию не только расового и классового, но, по-видимому, и этнического самосознания негров; дальнейшее же самостоятельное существование в рамках собственной государственности укрепило это самосознание, консолидировав тем самым новый этнос.

Огромная роль во всех этих процессах принадлежала языку как одной из важнейших предпосылок и одному из важнейших условий сложения и существования этнических общностей, так как «механизм объективных процессов, которые ведут от предпосылок к реализации их результата — это комплекс различных и прежде всего языковых коммуникаций»¹.

Формированию гаитийского языка — креоля, ставшего в колониальный период средством общения не только белых и негров, но и общим языком этнически пестрой массы рабов, и посвящена эта статья, причем основное внимание уделяется в данном случае взаимодействию африканских языков и французского языка.

¹ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Языковые коммуникации и этническая консолидация. — В кн.: Социоллингвистические проблемы развивающихся стран. М.: Наука, 1975, с. 16.

Специфика социальной истории европейских колоний в Карибском бассейне обусловила действие там одного из интереснейших языковых процессов — образования языков межэтнического общения — пиджинов, а в дальнейшем превращения их в родные языки новых поколений людей, так называемой креолизации языка.

Изучение этих процессов началось в конце XIX в. как раздел романского языкознания и лишь недавно стало полноправной лингвистической дисциплиной, чему способствовало, с одной стороны, преодоление учеными многих предрассудков в отношении к креольским языкам и их носителям, а с другой — углубление самих лингвистических теорий, позволивших перейти от простого описания к научному изучению закономерностей развития этих языков.

В XIX в. распространенный взгляд на креольские языки как на не вполне полноценные формировался под влиянием расизма, характеризовавшего отношение большинства белых к черным рабам. «Ясно, что людям, привыкшим выражать себя с помощью довольно простого языка, нелегко возвысить свой интеллект до понимания гения какого-либо европейского языка. При контакте с португальцами, вынужденные говорить на их языке, эти полудикие люди не усвоили его выработанного веками цивилизации совершенства, приспособив язык к выражению в варварской форме своих примитивных идей»². Автор этого высказывания, французский лингвист XIX в. М. Бертран-Боканде, пытался, однако, увидеть в образовании креолей некие универсальные закономерности, в частности, соответствие их грамматики «минимальной» системе коммуникации, в которой выражаются лишь основные семантические связи.

Делались попытки сравнить креоли с исходными контактирующими языками. Так, француз Л. Адам (1882 г.) первым нашел некоторые явные параллели между креолями и африканскими языками. Пытаясь понять природу «гибридных» языков, как их часто называли, португальский языковед А. Коэльо (1880 г.) выдвинул мысль о том, что они представляют первую стадию овладения иностранным языком. Процесс образования креолей подчиняется, по его мнению, универсальным законам психики, а не влиянию языков-источников и протекает в ситуации острой необходимости языкового общения.

Эти взгляды близки к теориям, выдвинутым в конце XIX — начале XX в. основоположниками современной креолистики — немцем Хуго Шухардтом и голландцем Дерком Кристианом Хесселингом, изучавшими языки европейских колоний в Африке и бывших регионов плантационного рабства в Америке.

В процессе контакта групп людей, говорящих на неродственных языках, считает Х. Шухардт, возникает основанный на одном из них упрощенный язык общения, причем выбор языка-основы диктуется не его свойствами, а внешними обстоятельствами, социальными условиями контакта. В дальнейшем этот «редуцированный» язык развивается в полнокровный, «нормальный» язык, выполняющий все необходимые функции по языковому обслуживанию данной общности³.

Следующей стадией «жизненного цикла» креоля в том случае, когда он сосуществует со стандартным языком, европейским или иным, является, по Шухардту, его постепенное исчезновение с переходом сначала небольшой группы, а затем все большего числа говорящих на этот стандартный язык⁴.

Подчеркивая зависимость развития креолей от социальных условий, Шухардт указывал, что изменения значений слов языка-источника при создании креольской лексики обусловлены новым физическим окружением и иной культурой⁵.

² *Bertrand-Bocandé M.* De la langue créole de la Guinée portugaise. — *Bulletin de la Société de Géographie de Paris*, 3e série, v. 12 (1849), p. 73.

³ *Schuchardt H.* Die Lingua Franca. — *«Zeitschrift für Romanische Philologie»*, 1909, № 33, S. 442—47.

⁴ *Schuchardt H.* The Ethnography of Variation. Selected Writings on Pidgins and Creoles. Ann Arbor, 1979, p. 83.

⁵ *Schuchardt H.* Kreolische Studien. IX. Wien, 1891, S. 185.

Х. Шухардт выделил в креолях ряд особенностей, возникших под влиянием африканских языков. Это влияние сказывается, например, в образовании «серийных» глаголов: *go teki kom* — приносить (креоль Суринама)⁶, в употреблении глагола там, где в европейском языке значение выражается предлогом⁷, и в частоте постпозитивных элементов в тех случаях, когда в европейских эквивалентах употребляются препозитивные⁸, в избытке в речи поговорок, пословиц, образных оборотов.

Характерными чертами креолей Шухардт считал также следующие: замену в некоторых случаях грамматических морфем лексическими, например передачу множественного числа не с помощью окончания, а повторением слова: *piege+s > piege piege*⁹, вытеснение инфинитивами прочих глагольных форм¹⁰, употребление ударных сильных форм вместо слабых безударных, например, указательного местоимения вместо артикля¹¹, нечеткое разграничение существительных и прилагательных в функции именной части сказуемого: *hunger=hungry*¹² и ряд других.

Д. К. Хесселинг на примере западноафриканского португальского креоля изучал процесс упрощения языковых форм. В отличие от Шухардта он полагал, что толчок этому процессу дает социально низшая группа говорящих¹³. Хесселинг подчеркивал роль детей в закреплении лингвистических форм, возникающих в результате контакта нескольких языков.

Даже эти краткие указания на основные положения работ ранних креолистов показывают, как тесно связаны в креолях лингвистическая и социальная стороны функционирования языков. Изучение креолей позволяет ученым, с одной стороны, исследовать взаимодействие языков на уровне структур, присущих им как лингвистическим кодам, изучать историю их развития, познавать психологические механизмы языкового мышления, а с другой — делать немаловажные выводы о социальной жизни общности людей, пользующихся данным языком.

Именно такие проблемы ставят перед собой современные исследователи креолей, причем в креолистике четче, чем прежде, выделяются лингвистическая и историко-социологическая области. К креолям как объекту языковедения применяются теперь не только методы дескриптивного или структурного анализа, но и выдвинутая американским лингвистом Н. Хомским в 50-х годах нашего столетия психолингвистическая теория, позволяющая судить именно об основах языкового мышления.

Для завершения экскурса в историю креолистики кратко обобщим современный взгляд на креоли, основываясь на работах 1960—1980 годов таких известных лингвистов, как А. Вальдман, Д. Бикертон, Д. Хаймс и др.

Первой стадией «жизненного цикла» креолей (термин Х. Шухардта, принятый современными учеными) является, как уже говорилось, некий простой язык, быстро возникающий в ситуации контакта групп людей, говорящих на неродственных языках (в историческом плане это торговля, колонизация или, как в нашем случае, плантационное рабство). Для названия такого средства общения принято английское слово *pidgin*. По поводу происхождения его существуют разные мнения. Американский креолист Р. Холл полагает, что восходит оно к названию индейцев, живших в устье р. Ойапок, на границе нынешних Гайаны и

⁶ Schuchardt H. The Ethnography of Variation, p. 74.

⁷ Ibid., p. 75.

⁸ Schuchardt H. Kreolische Studien. VII. Wien, 1888, S. 22.

⁹ Schuchardt H. The Ethnography of Variation, p. 74.

¹⁰ Schuchardt H. Die Lingua Franca, S. 445.

¹¹ Schuchardt H. Kreolische Studien. I. Wien, 1880, S. 142.

¹² Schuchardt H. Kreolische Studien. IX. S. 203.

¹³ Hesseling D. Ch. On the Origin and Formation of Creoles: a Miscellany of Articles. Ann Arbor, 1979, p. 69.

Бразилии. Англичане, пытавшиеся в 1605—1606 гг. колонизовать эту область, называли местных индейцев *pidian* — возможно, по самоназванию. Произносившееся как *pidgin*, это слово стало обозначать аборигена, с которым можно торговать, и язык, на котором он говорил с европейцами¹⁴. Традиционная же этимология возводит значение слова *pidgin* к английскому *business*; выражение «That's my pigeon», означающее «это мое личное дело», до сих пор бытует в китайско-английском языке, который чаще всего называется *pidgin english*¹⁵.

Обычно в пиджине на первых стадиях его существования узнается «упрощенный» вариант языка социально и культурно доминирующей группы. Под «упрощенностью» понимается в данном случае ограниченность словаря, утрата многих грамматических категорий, например числа и рода, и резкое уменьшение характерной для «нормальных» языков избыточности, т. е. свойства неоднократной передачи одного и того же грамматического значения в пределах одного высказывания (например, «это зеленое дерево»: местоимение «это» уже говорит о роде прилагательного, тем самым делая его окончание *-ое* избыточным).

Но пиджинизация языков — это не произвольное упрощение и не механическое смешение элементов, но процесс адаптации, избирательного изменения языков, подчиненный конкретным целям¹⁶. Пиджин ни для кого не является родным языком, он создается взрослыми говорящими и не обладает устойчивостью языков, усвоенных в раннем детстве. Пиджинизация — это происходящее в процессе речевой деятельности одного поколения создание нового языка, и до тех пор, пока его не освоит «третья сторона», т. е. группа людей, либо не владеющая исходными языками, либо не имеющая возможности ими пользоваться (например, вновь прибывающие рабы), его форма будет лабильна из-за постоянно идущих речевых экспериментов. Обычно ограниченный словесный язык дополняется языком жестов, в котором также вырабатываются какие-то элементы и их последовательности. Не исключено, что и этот «синтаксис жестов» оказывает свое влияние на структуру формирующегося пиджина¹⁷.

Фонологическая система пиджина также поначалу нестабильна, прежде всего из-за многочисленности фонетических вариантов при воспроизведении чужой речи. Кроме того, подчеркнутая артикуляция и лишенное естественного ритма говорение, характерные для этой стадии, искажают действие фонетических законов.

По мере развития контакта культур, а главное, с появлением поколения людей, овладевающих вновь возникшим языком как родным, пиджин вступает в качественно новую стадию своего «жизненного цикла» — по принятой терминологии, он становится креолем, языком креолов. Прежде всего расширяется и охватывает практически всю общественную жизнь сфера его функционирования. Это сопровождается стабилизацией и обогащением структуры языка, для которого пиджин служит источником основных грамматических и лексических средств и некоторых аналогий для языковых преобразований. Лингвистическая система перестает быть связанной контекстом и ситуацией, а становится все более автономной; речь все менее зависит от внеязыковых средств передачи значения; ее собственный грамматический аппарат все более совершенствуется¹⁸.

Все креольские языки объединяет замечательная особенность, позволяющая выделить их в особый тип, — сходство структуры, существую-

¹⁴ Hall R. *Pidgin and Creole Languages*. Ithaca, 1966, p. 7.

¹⁵ *Pidginization and Creolization of Languages*. — *Proceedings of a Conference Held at the University of the West Indies/Ed. Hymes D.* Cambridge, 1971, p. 15. Этимология слова «pidgin» изучается также в: *Kleinecke D.* An Etymology for «Pidgin». — *International Journal of American Linguistics*, 1959, № 25.

¹⁶ *Pidginization and Creolization of Languages*, p. 66.

¹⁷ *Le Page R.* Process of Pidginization and Creolization. — In: *Pidgin and Creole Linguistics/Ed. Valdman A.* Bloomington, 1977, p. 229.

¹⁸ *Ibid.*, p. 231; *Valdman A.* Elaboration in the Development of Creole French Dialects. — In: *Pidgin and Creole Linguistics*, p. 157.

щее независимо от географической удаленности языков друг от друга и от свойств исходных языков. В поисках объяснения этого феномена возникли две основные гипотезы происхождения креольских языков. Первая, более ранняя, возводит все эти языки к одному исходному, образовавшемуся на основе португальского и некоторых языков Западной Африки в XV—XVI вв. и распространившемуся впоследствии по всему миру. Вторая гипотеза, построенная на данных психолингвистики, состоит в том, что креольские языки возникают на основе некоего врожденного психологического механизма, универсального для всего человечества, благодаря которому происходит овладение первым языком. Креольский язык как бы воплощает эту универсальную структуру, которая первоначально формируется у ребенка, но в окружении людей, говорящих на развитом языке, корректируется в соответствии с правилами данного языка. При отсутствии же такого корректирующего влияния, — если кругом говорят на пиджине, не подчиненном устоявшимся правилам, — эта структура становится основой нового языка — креоля¹⁹. Первые носители его — именно дети родителей, говорящих на пиджине. Как видим, нынешние теории сопоставимы с гипотезами ранних креолистов, но опираются на лингвистику, обогащенную данными психологической науки.

В настоящее время существует четыре группы креолов, основанных на французском языке: гаитийский (наибольшее число говорящих), креоль Малых Антильских островов, креоль Французской Гвианы и Луизианы и креоль Маврикия, Родригеса, Сейшелл и Реюньона — последняя группа значительно отличается от остальных. Интересующий нас креоль бывших французских колоний в Карибском бассейне относится к «экзогенным», т. е. возникшим в среде людей, переселенных на новые территории, где их родные языки не могли сохраниться в условиях плантационного рабства²⁰.

Первые и очень немногочисленные описания французского креоля на Антилах, сделанные, как и многие иные наблюдения, христианинами миссионерами, относятся к XVII в. Это не только их рассказы о языке общения между белыми и неграми (или индейцами), но и записи образцов речи того времени, представляющие собой источник для изучения креолов.

Самых ранних свидетельств формирования креоля, по-видимому, не наберется и десятка. Кроме того, это не звучащая речь — основной объект изучения лингвиста — а тексты, записанные на слух людьми, далекими от проблем языкознания, без применения какой-либо системы транскрипции. Вот почему историческое изучение креоля очень затруднено, и основная работа креолистов ведется на современном материале. Тем не менее и эти крохи дают возможность увидеть изменение языка на протяжении всего периода его формирования. Речь идет об отрывках и отдельных примерах, приведенных в книгах миссионеров Ж. Бутона (1640 г.), А. Шевийяра (1659 г.), П. Пеллепра (1655 г.), Ж.-Б. Лаба (1701 г.).

В XVIII и XIX вв. появляются более обширные тексты, сочиняются оригинальные произведения на креоле и записывается фольклор. Приведенные в книгах М. Моро де Сен-Мери (1789 г.), С. Ж. Дюкержоли (1802 г.) и др. образцы иллюстрируют уже сложившийся креоль, близкий к современному. Ранними памятниками литературы на креоле являются: выпущенная в Сан-Доминго в 1801 г. прокламация о сохранении в колонии завоеваний Великой французской революции, подписанная Бонапартом; изданный в 1811 г. сборник песен и стихов Сан-Доминго; вышедшие в последней трети XIX в. сборник пословиц, собранных в Луизиане, Гаити и на Тринидаде, поэма гаитийского поэта О. Дюрана «Шукун» и другие произведения.

¹⁹ См. Бикертон Д. Креольские языки. — В мире науки (Scientific American — издание на рус. яз.), 1983, № 9, с. 86.

²⁰ Bickerton D. Pidginization and Creolization. Language Acquisition and Language Universals. — In: Pidgin and Creole Linguistics, p. 57.

В XIX в. появляются и первые описания французского креоля, либо сопровождающие издание текстов, либо включающие тексты в качестве примеров. В 1842 г. аббат Гу, французский священник на Мартинике, опубликовал катехизис на креоле, предварив его 14 страницами креольской грамматики. Еще один краткий очерк содержится в «Путеводителе по Гаити», 1861 г. В 1869 г. издается первое детальное описание креоля — работа тринидадского учителя Дж. Томаса, сына бывших рабов, который хотел разрушить представление о том, что креоль — это «всего лишь искаженный французский, форма речи, пригодная только для неграмотных крестьян»²¹. Сравнительное изучение креольских языков начал А. Ван Наме, опубликовав в 1870 г. книгу «Вклад в изучение грамматики креольских языков».

Уже в XX в. выходят работы, специально посвященные гаитийскому креолю: книги С. Сильван (1936 г.), Ж. Фэна (1937 г.), М. Ипполита (1949 г.), Р. Холла (1953 г.). Из новейших книг укажем коллективную монографию «Синтаксис гаитийского языка», вышедшую в США в 1982 г.

После экскурса в историографию вернемся к вопросу формирования креоля в плантационных колониях. Простейшие гибридные языки общения начали, по-видимому, складываться еще в поселках и факториях европейских торговых компаний в Африке. При тех масштабах, какие приняла работорговля, особенно в XVIII в., рядовые африканцы не могли не знать о европейцах, об угрозе порабощения; среди них распространялись и какие-то элементы европейских торговых жаргонов и вновь возникших пиджинов. В невольничьих «депо», на кораблях во время двухмесячного «среднего перехода», рабы делали первые шаги в изучении языка хозяев. Многие африканцы вообще знали не один язык и выработали приемы овладения вторым, третьим и даже *n*-м языком²², что по-видимому, было необходимо для общения разноязыких племен между собой. Хотя языков в Западной Африке в районах европейской работорговли было несколько сотен (264 суданских, 182 банту, 47 хамитских²³), многие из них были структурно и лексически близки, а некоторые имели, вероятно, большие ареалы. На этот счет можно привести свидетельство африканца Эквиано, жившего в XVIII в., который попал к англичанам, прожил в их среде многие годы, получил образование и самостоятельно написал автобиографию. О своем путешествии по Африке до английского плена он пишет: «Хотя я был в нескольких днях пути от дома моего отца, эти люди (в чей дом он попал — *Н. К.*) говорили на точно таком же языке, как мы. С того времени, когда я покинул свое племя, я всегда встречал кого-нибудь, кто понимал меня... Языки разных племен похожи, и они не столь богаты, как языки европейцев, особенно англичан»²⁴. В дальнейшем, в Америке, это структурное сходство оказало свое влияние при переосмыслении европейских языковых конструкций и создании креольских.

На наш взгляд, в формировании креоля можно выделить три этапа: 1) пассивное овладение рабами основами европейского языка и попытки говорить именно на этом языке; 2) распространение и в среде белых форм «ломаной» французской речи, т. е. появление общего для всех средства общения — пиджина; 3) креолизация пиджина, т. е. закрепление и развитие той его формы, которую находило при своем появлении новое поколение населения. Разумеется, это разграничение условно, поскольку все три процесса происходили одновременно: во-первых, постоянно прибывали новые рабы, для которых вновь и вновь, хотя и в меньшей степени (по мере развития пиджина), повторялась необхо-

²¹ *Thomas J. J.* The Theory and Practice of Creole Grammar. London and Port-of-Spain, 1969 (первое издание — 1869), p. IV.

²² *Bickerton D.* Pidginization and Creolization: Language Acquisition and Language Universals. — In: *Pidgin and Creole Linguistics*, p. 51.

²³ *Mannix D. P.* Black Cargoes. A History of the Atlantic Slave Trade. 1518—1865. N. Y., 1963, p. 12.

²⁴ *Equiano's Travels. His Autobiography. The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano or Gustavus Vassa the African (1789).* L., 1967, p. 20.

димось овладеть языком хозяев; во-вторых, пиджинизированные формы появлялись уже в первые часы общения белых и негров; в-третьих, креолизация хотя бы некоторых языковых форм происходила практически с самого начала в масштабах каждой отдельной плантации и всей колонии в целом. Указанные процессы протекали одновременно, но их интенсивность и масштабы постепенно менялись.

Так, для самого первого периода существования колонии при общей неразвитости общественной жизни (на этом этапе) скорее всего было характерно именно стремление рабов овладеть языком, на котором к ним обращались хозяева. Второй этап соответствует периоду, когда образ жизни колонии более или менее сложился, определились и формы участия рабов в общественной жизни. Имеется в виду их собственная экономическая деятельность, их собственные институты и религиозная практика, которые требовали уже более развитого языка. На этом этапе, более длительном, чем первый, пиджин распространился во всех классах общества. На третьем же этапе своего развития этот язык стал родным для значительной части населения. Если начало ввоза негров на Эспаньолу, а с ним и начало формирования креоля приходится на 20—30-е годы XVII в., а образцы речи, близкой к современной, зафиксированы уже в конце XVII в., то можно считать, что креоль в Сан-Доминго развился менее чем за столетие.

Оговоримся, что название «французский креоль» отражает не фундаментальное структурное сходство креоля и французского языка, а главным образом общность многих слоев лексики (термин «креольский диалект французского языка» в применении к креолю просто ошибочен; он скорее может относиться к местному диалекту французского языка).

Можно представить себе, как начиналось усвоение французских слов еще в Африке или на невольничьих кораблях, а затем в колонии: например, инфинитивов или повелительного наклонения глаголов, названий частей тела, одежды, лексики, относящейся к работе, быту²⁵. Затем стали формироваться те лексические слои, которые обслуживали жизнь коллективов рабов, куда европейцы не допускались: из фонда африканских языков отбиралась и закреплялась лексика, связанная со сферой религии, магии, — те слова, которые, по выражению мартиникской исследовательницы Э. Журдэн, «никто не мог перевести рабам на французский язык»²⁶.

Торговые и иные отношения с другими европейскими странами обусловили появление в креольском словаре ряда слов из соответствующих языков. В креоль вошел и ряд индейских слов, благодаря контактам с небольшим индейским населением.

Принятие в основном французского словаря объяснялось, с одной стороны, отсутствием общего языка у этнически пестрой массы рабов на плантациях, а с другой — доминированием французов в рабовладельческом обществе.

Что касается морфологии, грамматики, синтаксиса, т. е. своеобразной внутренней системы языка, то их формирование было значительно более сложным процессом, с одной стороны, интегрирующим влияние африканских языков и французского (который также был представлен не одним диалектом), а с другой — уводящим от исходных языков к созданию уникальных структур и элементов, не свойственных ни одному из языков-источников.

Имея в виду вышесказанное, попробуем взглянуть на несколько отрывков, приведенных в источниках и литературе по колониальному периоду Гаити.

В 1659 г. миссионер отец Шевийяр сделал следующее замечание: «Негры речисты и умны: внимательные наблюдатели, они быстро осваивают язык европейцев, язык, специально искаженный для облегчения

²⁵ Jourdain E. Du français aux parlers créoles. P., 1956, p. XXII.

²⁶ Ibid., p. XXI.

его понимания»²⁷. Он приводит пример речи священника, обращенной к рабу: «*Tou sçavoir qu'il y a un Dieu: Luy grand Capitou, luy sçavoir tout faire sans autre l'aider. Or Dieu mouche manigat, luy dit en son esprit, moy vouloir homme*»²⁸.

По-русски, для наглядности, это можно передать примерно так: «Ты знать, что есть бог: он большой хозяин, он уметь все делать без всякой помощи. Бог сильно могучий, он говорит через своего духа: я хотеть человека».

Современник Шевийяра П. Пеллепра говорит, что негры изъясняются инфинитивами глаголов. Чтобы обозначить будущее и прошедшее время, они добавляют слова «завтра» или «вчера»: «*demain moi manger, hier moi prier Dieu*» («завтра я есть, вчера я молиться Бог»). То же: «*Seigneur, toi bien savé que mon frère lui... point lui méchant. Pourquoi toi le voulé faire mourir...*»²⁹.

По-видимому, перед нами как раз образцы пиджинизированной французской речи, которой пользовались и рабы, и хозяева. Не исключено, что французы в общении с неграми иногда прибегали к «детскому языку» или к «языку для иностранцев», т. е. к тем вариантам литературного языка, которые характеризует медленный темп, подчеркнутая артикуляция, замена слабых редуцированных форм сильными, использование описательных лексических средств вместо сложных морфологических образований, ограниченный нейтральный словарь, короткие предложения и т. п. В то же время очевидно, что негры слышали и правильную французскую речь, но отсутствие обучения языку вело к тому, что в процессе коммуникации обе стороны воспроизводили и тем самым закрепляли реальные «искаженные» попытки друг друга говорить на одном языке. Л. Блумфильд, крупный американский лингвист, описал возникающий таким образом язык как «компромисс между речью иностранца, говорящего на данном языке, и попыткой воспроизвести эту речь человеком, для которого данный язык является родным. Постоянно идет процесс, в ходе которого каждая сторона неточно воспроизводит речь другой стороны»³⁰.

Как бы то ни было, ни один из отрывков не приближается в целом к современному креолю и даже к его варианту, сложившемуся к концу колониального периода, но показывает ход его становления. В первом тексте мы видим заимствованные, по-видимому, из португальского слова «*mouche*» — очень много, «*manigat*» — могущественный, «*capitou*» — хозяин, капитан, вышедшие из употребления к настоящему времени³¹ (скорее всего они ассоциировались со сферой и эпохой работорговли). Отрицание образуется с помощью «*non*» и «*point*», которые в дальнейшем уступили место частице «*ra*». Здесь еще употребляются оборот «*ie y a*», инфинитивы «*vouloir*» и «*sçavoir*» (чередующься с формами «*voulé*» и «*savé*», принятыми в креоле), притяжательные местоимения находятся перед существительными.

В то же время в этих образцах присутствуют и черты креоля, устойчивые к тому времени и сохранившиеся в дальнейшем: употребление не спрягаемой и не изменяемой по временам формы глагола; употребление местоимений в косвенном падеже (*moi, lui*) в качестве подлежащих и отсутствие выраженной формы глагола-связки (*lui méchant*)³².

К концу XVII в. креоль приобретает уже большее сходство со своим современным вариантом, о чем свидетельствует даже краткая фраза, записанная Ж.-Б. Лаба. Женщина обращается к мужчине и называет его

²⁷ Chevillard A. Les desseins de son éminence de Richelieu pour l'Amérique. Arennes, 1659, p. 20.

²⁸ Ibid., p. 21.

²⁹ Цит. по: Goodman M. A Comparative Study of Creole French Dialects. The Hague, 1964, p. 105.

³⁰ D'Ans A.-M. Le Créole Français d'Haiti.— Études des unités, d'articulation, d'expansion et de communication. The Hague, 1968, p. 20—21.

³¹ Goodman M. A Comparative Study, p. 105.

³² Ibid., p. 196.

отцом своего ребенка: «*toi para li*»³³. Здесь запечатлено очень характерное для креоля выражение родительного падежа местоимения помещением его непосредственно за относящимся к нему существительным. Система постпозиционных определителей существует во многих языках Африки, и это, несомненно, сыграло свою роль в утверждении такой конструкции в креоле. Однако и во французском языке возможны обороты подобного типа: «*c'est son fils à lui*», которые также могли служить моделью для креоля³⁴.

Вообще вопрос о роли субстратов, об объеме их влияния на креоль в процессе его складывания представляется весьма спорным. В отношении гаитийского креоля на этот счет существовали даже абсолютно противоположные мнения. Так, Сильвэн Комэр, известный гаитийский историк, считала, что креоль — это язык эве с французским словарем³⁵. Через год после выхода ее книги, т. е. в 1937 г., Жюль Фэн, не будучи, правда, профессионалом, а лишь большим энтузиастом изучения креольских языков, утверждал, что «нигде в Америке, ни в каких антильских диалектах, ни в языке негров южных штатов США не наблюдается никакого влияния африканских языков»³⁶.

Современные исследователи не стремятся утвердить приоритет какой-либо стороны, но находят лингвистические соответствия между креолем, французским языком и африканскими языками в разных аспектах их структуры и там, где возможно, определяют источник. Мы уже говорили о постпозиционном употреблении определителей. Кроме родительного падежа местоимений, так же употребляется в креоле определенный артикль *la* (единственное число) и *jo* (множественное число). Причем последний может не следовать непосредственно за существительным, а находиться в самом конце всей части предложения, относящейся к существительному: *twe pè sulje pwa para-m te-aste-m Pot-o-Pres ajo* — «три пары черных ботинок, которые отец купил мне в Порт-о-Пренсе». Такое явление есть в языках эве, волоф и др.³⁷ Еще один пример соответствия с африканскими языками — деление значения глагола «быть» на «быть» как связку, «быть» с обозначением качества и «быть» в локативном употреблении³⁸.

Исследователи отмечают и ряд фонетических соответствий³⁹. Но особенно заметно влияние африканских языков на глагольную систему креоля. Заключается оно, во-первых (в плане содержания), в предпочтении вида, а не времени глагола, т. е. обозначения характера протекания действия в его отношении к результату, длительности, повторяемости; а во-вторых, в плане выражения, в употреблении свободных морфем (частиц), предшествующих неизменяемой основе глагола, а не суффиксов или внутренних флексий (чередований звуков). Но частицы эти происходят от французских вспомогательных или модальных глаголов или предлогов. Так, определитель длительности действия *pe/ap/ape/arge* происходит от предлога *argès*. Частица со значением законченности *fek* происходит от французского *ne fait que* — «делает только, только, только что»: *m-fek-rivé* — «Я только что приехал». Эмфатический (усиленный) вариант этой частицы — *fek-rek* — фр. *ne fait rien que*⁴⁰. Для образования прошедшего времени используется частица *te/t* фр. *été*: *m'te'bwe* — «я пил», *li mêm te-petit* — «он сам был маленьким». Частица, выражающая будущее время, *ava/va/a*, имеет своим источником парадигму настоящего времени глагола *aller*. Чтобы выразить, например,

³³ *Labat J.-B.* Nouveau voyage aux Isles d'Amérique. P., 1722, v. I, p. 217.

³⁴ *Veldman A.* Creolization: Elaboration in the Development of Creole French Dialects.— *Pidgin and Creole Linguistics*, p. 175.

³⁵ *Comhaire S.* Le créole Haïtien. Port-au-Prince, 1936, p. 178.

³⁶ *Fain J.* Philologie Créole. Port-au-Prince, 1937, p. 3.

³⁷ *Hall R.* Pidgin and Creole Languages. Ithaca, 1966, p. 75.

³⁸ *Alleyne M.* Acculturation and the Cultural Matrix of Creolization.— In: *Pidginization and Creolization of Languages*, p. 173.

³⁹ *Hall R.* Pidgin and Creole Languages, p. 30.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 59.

длительность действия в будущем, частица *te* предшествует частице *are*. Условное наклонение, т. е. аспект нереальности действия выражается с помощью *te/t*, за которой следует *va/a: li t-a-караб* — «он мог бы»⁴¹. А. Вальдман, один из крупных авторитетов в креолистике, приводит таблицу, демонстрирующую структурное сходство глагольной системы гаитийского креоля и языка фон. Каждый из языков имеет три показателя вида/времени со сходным семантическим диапазоном, которые почти во всех случаях находятся в аналогичных синтаксических позициях⁴² (см. табл.).

Наклонение	Вид				Время
	однократный		длительный		
Реальное	Нулевая форма <i>te</i>	Нулевая форма <i>ko</i>	<i>ap</i> <i>t ap</i>	<i>do</i> <i>ko do</i>	Без обозначения предшествования С обозначением предшествования
	<i>a</i> <i>ta</i>	<i>pa</i> <i>pa ko</i>	<i>av ap</i> <i>t av ap</i>	<i>pa do</i> <i>pa ko do</i>	Без обозначения предшествования С обозначением предшествования
	Гаитийский креоль	Фон	Гаитийский креоль	Фон	

М. Гудман, автор сравнительного исследования диалектов французского креоля, считает, что такая же система выражения категорий глагола свойственна языку мандинго⁴³. Некоторые ученые основное африканское влияние приписывают языку народов акан и эве⁴⁴.

Но и некоторым вариантам французского литературного языка XVII—XVIII вв. не была чужда тенденция к аналитичности, и в частности к употреблению глаголов без окончаний лица и числа⁴⁵, что, может быть, также способствовало закреплению аналитической глагольной системы креоля.

Вообще формирование аналитической морфологии креоля было обусловлено не только тем, что для африканских языков синтетичность не характерна, но отчасти было следствием трудности постижения, без специального обучения, системы изменения слов французского языка. Так, фонологическая неразличимость многих французских глагольных форм: *aller* и *allé*; *finis*, *finit*, *fini* — была, вероятно, тем фактором, который способствовал появлению неизменяемого креольского глагола⁴⁶. Парадигмы существительных и прилагательных во французском не являются простым набором окончаний, различимых в любом высказывании. Напротив, они представляют собой совокупность весьма сложных фономорфологических образований, для которых характерна омофония (одинаковое звучание), порождающая неверное восприятие границ слов, а тем самым ошибочное определение словоизменительных элементов. Например, формы мужского и женского рода существительных и прилагательных обычно не различаются в превокальном положении (перед гласным *grand* (м.) и *grande* (ж.) произносятся одинаково), в то время как формы единственного и множественного числа различаются только в превокальной позиции. Границы между служебными и значащими словами по тем же фонологическим причинам интерпретировались неверно. Отсюда нередкое восприятие форм числа и рода существительных или прилагательных как отдельных лексем и закрепление за

⁴¹ Ibid., p. 60.

⁴² Valdman A. Creolization..., p. 180.

⁴³ Goodman M. A Comparative Study..., p. 81.

⁴⁴ Alleyne M. Acculturation..., p. 176.

⁴⁵ Valdman A. Creolization..., p. 181.

⁴⁶ Goodman M. A Comparative Study..., p. 72, 123.

каждой из них своего круга значений. Например, происходящее от французского *plein* (мужской род) креольское прилагательное означает «полный», *pleine* — от женского рода того же прилагательного, значит «беременная»⁴⁷.

Та же сложность восприятия границ слов привела и к агглютинации французского артикля и образованию таких существительных, как *laž* (фр. *l'age*) — возраст, *dlo* (фр. *de l'eau*) — вода, *zozo* (фр. *les oiseaux*) — птица.

Приведенные материалы, как нам кажется, дают некоторое представление о процессе и закономерностях формирования креоля. Остается коснуться стилистических особенностей креоля, специфических способов придавать речи выразительность, на что в источниках также есть указания. Моро де Сен-Мери, автор одного из важнейших источников по истории Сан-Доминго, например, пишет, что негры любят усиливать впечатление от рассказа звукоподражанием: «Говоря о пушечном выстреле, они прибавляют „бум“, о ружейном выстреле — „пум“, о свистке — „пим“, об ударе ногой или палкой „бим“ ...а чтобы указать на дальность расстояния, они повторяют несколько раз „далеко, далеко, далеко“»⁴⁸. Моро де Сен-Мери отмечает и любовь негров к сентенциям. Он приводит созданную ими поговорку для выражения сожаления о содеянном: «*Si mon te sonnè; Pas jamais douvan, li toujours derrière*»⁴⁹ — еще один образец креольской речи, примерно переводимый как «задним умом крепок».

Уже в колониальный период в Сан-Доминго выделялись три территориальных диалекта креоля: северный, западный (диалект Порт-о-Пренса) и южный. Но кроме такого «горизонтального» деления было и отчетливое «вертикальное» деление креоля — его социальные диалекты и особенности. Прежде всего несколько различались креоль белых и креоль негров-рабов, хотя бы тем, что, как уже говорилось, лексикон рабов включал в себя значительное число слов африканского происхождения, которыми белые пользовались ограниченно; выразительные средства, описанные Моро де Сен-Мери, также характеризуют язык негров.

Социальная стратификация в среде рабов, определявшаяся степенью близости к хозяевам, свою параллель в языковой области находила в том, что язык каждой из групп приобретал некоторые социально значимые (т. е. указывающие на социальное положение) особенности и ближе или дальше отходил от французского языка, превращаясь в «креолизированный французский», «офранцузенный креоль» или «грубый креоль». Домашние слуги, ремесленники и вольноотпущенники нередко даже выучивали французский язык. В то же время полевые рабы сохраняли в своей среде «более пиджинизированные» формы, для того чтобы «не дать белым узнать о своем поведении и своих обычаях больше, чем было минимально необходимо»⁵⁰. Это естественное следствие низкого социального положения и большой степени изоляции полевых рабов. Какие-то специфические черты языка культивировались и в общинах маронов, имевших ограниченные связи с остальным обществом.

Характеризуя креоль в целом, Моро де Сен-Мери говорит: «У него есть свой гений... европеец, сколько бы он ни прожил на островах, никогда не усвоит креоль во всех тонкостях». Французский и креоль дополняют друг друга: «Есть тысяча мелких вещей, которые человек не посмеет сказать по-французски, тысяча сладострастных образов, которые не удастся выразить на французском языке и которые креоль передает с бесконечным изяществом»⁵¹. При этом, употребляя слово «ге-

⁴⁷ *Weinreich U. Languages in Contact. The Hague, 1963, p. 34.*

⁴⁸ *Moreau de Saint-Méry M. Description topographique, physique, civile, politique et historique de la partie française de l'île Saint-Domingue. V. 1—3. P., 1958 (первое издание 1798).*

⁴⁹ *Ibid.*, p. 57.

⁵⁰ *Smith M. C. Some Aspects of the Social Structure in the British Caribbean about 1820.— Social and Economic Studies, 1953, № 1(4), p. 60.*

⁵¹ *Moreau de Saint-Méry. Description..., v. 1, p. 81.*

ний» по отношению к креолю, автор делает характерную оговорку, что тем самым слово это не унижает.

Итак, приведя в некоторую систему сведения о креоле, суммируем сделанные в ходе изложения выводы. Нам представляется, что этот язык начал развиваться в колониальный период именно с попыток членов социально низшей группы говорить с представителями доминирующей группы на ее языке. Вероятно, французы старались упростить свою речь при общении с рабами, но едва ли эти усилия были систематическими и повсеместными. Анализ тех образцов пиджинизированной французской речи, которые содержат лингвистические свидетельства ранних стадий развития креоля, говорит скорее о том, что негры усвоили немало в системе французского языка, выделили многие структурные элементы и их устойчивые взаимоотношения. Однако несовершенное знание французского, а также влияние родных языков, на которых говорили привезенные из Африки рабы, были причинами первоначальной вариативности форм и повели к своеобразному развитию местного языка. Большую роль в закреплении определенного состояния языка сыграли родившиеся в колонии дети, для которых он стал родным. С течением времени и с появлением новых поколений креолов язык стабилизировался и все меньше и меньше менялся под влиянием демографических и иных социальных факторов. Вместе с тем росла степень «идентификации» населения с креолем, т. е., с одной стороны, осознание им языка как признака своей общности и отличия от населения, говорящего на других языках, а с другой — рост его значения в формировании особенностей мышления и своеобразных (этнических) черт психики, т. е. того, что делает язык этнообразующим фактором⁵².

⁵² См. Брутян Г. А. Гипотеза Сепира — Уорфа. Ереван, 1968. См. также главу «Об этнических особенностях психики» в кн.: Бромлей Ю. В. «Очерки теории этноса». М.: Наука, 1983, с. 143—172.

Лекса Мануш

К ПРОБЛЕМЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА ЦЫГАН

(Истоки цыганской музыки в Европе)

Одной из наиболее ярких черт цыганского народа является, по-видимому, присущая ему исключительная врожденная музыкальность. Профессия музыкантов, певцов и танцоров издавна считалась у цыган ведущей¹. Цыганская музыка, песня и пляска не однажды оказывали огромное влияние на творчество различных композиторов, писателей и поэтов тех стран, в которых обосновались цыгане, а на русскую поэзию, пожалуй, в особенности. Об этом наглядно свидетельствуют сами названия стихотворений русских поэтов прошлого века: «Цыганская пляска» (1805 г.) Г. Р. Державина, «Цыганская песня» и «Цыганская пляска» (1828 г.) С. П. Шевырева, «Цыганские песни» (1840-е годы) А. К. Толстого, «Песня цыганки» (1853 г.) Я. П. Полонского, «Цыганская венгерка» (1857 г.) А. А. Григорьева, «Цыганская песня» (1870-е годы) А. Н. Апухтина и др. Тем не менее, несмотря на свою давнюю популярность, цыганская песня до сих пор остается, по выражению

¹ См.: Баранников А. П. Цыганы СССР. Краткий историко-этнографический очерк. М., 1931, с. 43—45; Григорьев А. А. Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны.— Собрание сочинений Аполлона Григорьева/Под ред. Саводника В. Ф. Вып. 14. М., 1915, с. 44—48; Popp Serboianu C. J. Les Tsiganes. P., 1930, p. 62—66; Ficowski J. Cyganie na polskich drogach. Kraków, 1965, s. 174—178.